

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ, ОСТАВИТЬ

ГЛАГОЛЫ
последний день
ИДЕОПЫ
ВИКТОР СЕРЬСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗАБЫТЬ, НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ

18+

Виктор Сербский

Последний день Гидеоны

<https://litres.ru/74337794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет Виктор Краммер провёл в психиатрической клинике. Десять лет он жил только ею — её лицом, голосом и иллюзией взаимной любви. Теперь он свободен.

Она наконец начала новую жизнь: диплом архитектора, первая работа, робкая надежда на нормальность. Но в тот день, когда её прошлое должно было остаться в прошлом, он вернулся. И теперь считает, что она всегда ждала именно его.

Мрачная, удушающая психологическая драма о границах любви и безумия, о том, как легко сломать человека и как трудно остаться собой, когда тебя насильно вписывают в чужую фантазию. Здесь нет героев — только жертва, чудовище и тонкая, опасная грань между ними, которая с каждым днём становится всё призрачнее.

Книга о любви, которая убивает. О памяти, которая врёт. И о том, что иногда самый страшный кошмар — это когда ты начинаешь привыкать к своему тюремщику.

Для любителей жесткого дарк романса, мрачного психологического триллера и историй, где любовь и безумие — одно и то же.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1.	4
Глава 2.	15
Глава 3.	33
Глава 4.	41
Глава 5.	47
Глава 6.	54
Глава 7.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Последний день Гидеоны

Часть 1

Глава 1.

«Собаки ведь не бывают безумными, верно?»

Они рычат, когда сердятся, и виляют хвостом, когда радуются. А я рычу от радости и машу хвостом, когда сержусь. Значит, я безумен. Следовательно, я сумасшедший.» — Льюис Кэрролл, «Приключения Алисы в Стране чудес»

Я сидел на стуле напротив человека, которому десять лет подряд мысленно вгонял карандаш в глаз.

Правая нога тряслась сама по себе, выбивая рваный, сломанный ритм о металлическую ножку стула. Неравномерно, словно сердце, которое никак не могло решить, хочет ли оно ещё биться. Я смотрел вниз, на исцарапанную поверхность стола, покрытую старыми бороздами, оставленными нервными пальцами таких же, как я, и машинально сдирал зубами остатки кожи вокруг ногтей. Во рту стоял знакомый солоноватый привкус крови. Челюсть сводило от напряжения,

а пальцы дрожали.

Я боялся поднять взгляд, хотя этот день я представлял себе тысячи раз.

Каждую ночь.

Каждый чёртов день.

Десять лет под замками, таблетками, мягкими стенами, белыми халатами, голосами за дверями, ночными криками и собственным разумом, который то рассыпался на осколки, то собирался обратно, чтобы через неделю снова развалиться. В месте, где время перестаёт существовать. Где вчера ничем не отличается от позавчера, а люди вокруг либо кричат, либо молчат так, словно умерли, забыв лечь в гроб. Но даже среди всего этого безумия перед моими глазами всегда было её лицо. Единственное, что никогда не исчезало. Единственное, что оставалось со мной.

Я помнил её ещё ребёнком. Помнил, как *она*, маленькая, с растрёпанными волосами и в смешной пижаме с жёлтыми утятами, тыкала в меня пальцем и требовала у родителей выгнать меня из своей комнаты.

— Он противный! Пусть уйдёт!

Она закатывала истерики, плакала, кричала, а через полчаса уже сидела рядом и показывала мне свои рисунки, будто ничего не было. Всегда сдавалась, а я всегда оставался рядом. Помнил, как она в школьные годы нервно крутила на пальце серебряное кольцо, когда сильно переживала перед сдачей проектов.

Нет.

Кольцо появилось гораздо позже.

Или нет?

Но в одном я точно был уверен. Ее серые глаза. Большие, ясные, с холодным оттенком осеннего неба. Эти глаза спасали меня, когда стены палаты начинали дышать. Когда в темноте я слышал голоса. Когда не понимал, где заканчивается сон и начинается реальность. Я закрывал глаза и видел её. Снова и снова. И становилось легче. Я разговаривал с ней. Представлял, как она сидит рядом и улыбается, как смеётся и говорит, что всё будет хорошо.

На пятом году пребывания в больнице я стал забывать её голос, и тогда меня охватывал настоящий ужас. Это не было страхом в привычном смысле — скорее паникой человека, который внезапно понял, что теряет единственное, что удерживало его на плаву все эти годы. Я часами сидел у окна в палате, наблюдая, как за решёткой медленно плывут облака, и пытался восстановить в памяти её интонации. Как именно она произносила моё имя? Смеялась ли она громко или, наоборот, всегда прикрывала рот ладонью? Иногда мне казалось, что я вспоминаю другого человека. Но стоило попытаться представить ее лицо, всё снова смешивалось в единую картину.

Порой мне казалось, что половину этих воспоминаний я выдумал сам. Что её улыбка никогда не была настолько тёплой, а ее глаза не смотрели на меня с той нежностью, кото-

рую я так старательно в них вкладывал. Не знал, как изменилась, длиннее ли стали её волосы, всё так же не ест апельсины и каждый раз морщится, когда чувствует их запах, или по-прежнему режет стейк на крошечные кусочки перед тем, как начать есть. В конце концов, прошло десять лет. В действительности меня окружали таблетки, бессонные ночи, приступы и бесконечные разговоры с самим собой. За это время память могла превратить кого угодно в святую, а детскую привязанность — в религию.

Но мне было всё равно.

Даже если часть воспоминаний была ложью, я предпочитал жить с этой ложью, чем однажды проснуться и обнаружить, что её образ исчез окончательно. Потому что тогда бы исчез и я сам. Все эти годы я цеплялся за неё. Один парень из соседней палаты мечтал увидеть сына. Он показывал мне его фотографии. Я никогда его не понимал, зачем. На всех снимках ребенок выглядел одинаково. Как можно скучать по кому-то, если это не *она*? Я был уверен в том, что однажды снова увижу её лицо, услышу голос и пойму, что не зря прожил эти годы.

Иногда в голову лезли мысли, от которых становилось трудно дышать. Они приходили внезапно, мерзкие и липкие. Что кто-то мог быть рядом с ней. Что кто-то другой мог видеть её улыбку, слышать её смех, знать, как она выглядит по утрам. Я тут же отбрасывал эти мысли, словно они были чем-то грязным, неправильным, не имеющим права на существо-

вание.

Нет.

Нет, чёрт возьми.

Это было невозможно.

Мне становилось легче от мысли, что за годы она наверняка тоже не смогла меня забыть. Я давно перестал понимать, любовь это или что-то другое. Пока я учился заново различать реальность и собственные кошмары, пока глотал таблетки, пока считал трещины на потолке, её образ оставался в моей голове.

Я не мог представить рядом с ней другого человека. Мой разум отказывался принимать это. Будто сама мысль о чужих руках, чужом голосе, чужом имени рядом с ней была чем-то противоестественным, ошибкой, которую следовало немедленно вырвать из головы.

И сегодня, сидя в этом кабинете, я вдруг понял, что боюсь вовсе не выхода на свободу.

Я боялся встречи.

Потому что жил не надеждой на новую жизнь, а надеждой увидеть призрак прошлого. И где-то глубоко внутри меня сидел страх, что девочка с серыми глазами, спасавшая мой разум от окончательного безумия, существует только в моих воспоминаниях, а за дверями больницы меня ждёт совершенно другой человек. Врачи думали, что меня успокаивают таблетки, но на самом деле помогало только одно — её имя.

Но я был уверен, что переживу это.

Она тоже.

У неё не было выбора.

Десять лет.

Кабинет был таким же, как и сотни раз до этого, но сегодня в нём было что-то другое. Может быть, потому что я видел его в последний раз.

Холодный свет люминесцентной лампы делал комнату безжизненной, словно вырезанной из старой фотографии. Белая краска на стенах местами пожелтела и потрескалась. В углу тихо гудел старенький кондиционер, разгоняя запах антисептика, лекарств и дешёвого растворимого кофе. За спиной врача стоял высокий металлический шкаф с папками — десятки чужих историй, сложенных в аккуратные ряды. На подоконнике, рядом с увядающим фикусом, лежала стопка журналов пятилетней давности. Часы над дверью отсчитывали секунды с такой громкостью, будто специально издевались надо мной.

Напротив меня сидел он.

Мой личный кошмар и мой тюремщик – Доктор Эрик Твардовский.

Уже немолодой мужчина лет шестидесяти, с глубокими морщинами возле глаз и тяжёлым, усталым лицом человека, который слишком долго слушал чужое безумие. Серебристые волосы были аккуратно зачёсаны назад, а тонкие очки в стальной оправе сползли на кончик носа. Его тёмно-синий галстук был слегка перекошен, а на подбородке просту-

пала седая щетина, словно он снова провёл ночь без сна.

Он держал в руках мою папку.

Мою жизнь.

Десять лет наблюдений, диагнозов, приступов, срывов, драк, бессонных ночей, записанных чужим почерком.

Я ненавидел его.

Ненавидел так долго, что уже не помнил, за что именно. За таблетки? За мягкий голос? За то, что он каждый день видел меня сломанным? За то, что именно он был лицом этих стен? Иногда мне казалось, что он специально растягивает лечение. Будто хочет держать меня подальше от нее. Конечно, вслух он никогда такого не говорил.

И всё же сейчас, когда между нами лежала открытая папка, а его пальцы медленно перелистывали последнюю страницу, я чувствовал не ненависть.

Одержимость.

Потому что за дверями этой комнаты была она.

— Вы свободны, Виктор, — спокойно произнёс доктор, поднимая на меня глаза. — И, как ни странно, это пугает Вас сильнее, чем когда-то пугало попасть сюда.

Я впервые за несколько минут поднял взгляд и не смог ничего ответить.

ВЫПИСКА ИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ.

Паспортная часть:

Фамилия, имя больного: Краммер Виктор

Дата рождения: 22 марта 2000 года

Возраст: 26 лет

Род занятий до госпитализации: студент

Дата поступления в стационар: 14 ноября 2016 года

Отделение: специализированное отделение принудительного лечения

Основание для госпитализации: Пациент был направлен на стационарное обследование и лечение по решению суда в связи с многочисленными жалобами со стороны окружающих на неадекватное поведение, навязчивое преследование определённого лица, проявления агрессии в отношении сверстников и серию насильственных инцидентов. По материалам уголовного дела, пациент совершил несколько нападений на одноклассников, причинив им телесные поврежде-

ния различной степени тяжести. Также пациент являлся фигурантом дела, связанного с гибелью одного человека, обстоятельства которого пациент комментирует противоречиво и непоследовательно.

Жалобы: Со слов пациента:

«Несправедливое» ограничение общения с лицом женского пола, к которому испытывает «взаимные чувства».

Уверенность в том, что указанное лицо испытывает к нему привязанность, однако скрывает это под влиянием родственников и окружения.

Чувство враждебности со стороны окружающих, убеждённость в том, что друзья и знакомые указанного лица препятствуют их отношениям.

Нарушения сна, раздражительность.

Периодические приступы тревоги, сопровождающиеся навязчивыми мыслями о необходимости «защитить» объект привязанности.

Психический статус:

Сознание ясное. Ориентирован в месте, времени и собственной личности. Контакт доступен, охотно вступает в беседу. Речь последовательная, склонен к излишней детализации, многократно возвращается к теме взаимоотношений с конкретной девушкой, которую называет «единственным человеком, который его понимает».

Убеждён в наличии эмоциональной взаимности со стороны указанного лица. Несмотря на неоднократно полученные

сигналы отказа, продолжает интерпретировать их как внешнее давление со стороны третьих лиц. Отказ и избегание объясняет воздействием окружающих, которых считает виновными в разрушении отношений.

Отмечается выраженная фиксация на личности объекта привязанности. В ходе беседы высказывает идеи о том, что некоторые люди «заслужили наказание», поскольку «мешали быть вместе». Критика к болезненным переживаниям отсутствует. Считает свои действия оправданными и необходимыми.

Галлюцинаторная симптоматика на момент поступления не выявлена. Эмоциональный фон напряжённый. При упоминании объекта привязанности оживляется, при обсуждении совершённых противоправных действий проявляет безразличие либо пытается их рационализировать.

При уточнении отдельных событий прошлого периодически демонстрирует противоречивые воспоминания и не всегда способен последовательно воспроизвести хронологию произошедшего.

Заключение: На основании клинической картины, анамнестических данных и результатов наблюдения у пациента выявляется стойкая система бредовых идей любовного содержания с убеждённостью во взаимности чувств со стороны конкретного лица, а также бредовые интерпретации действий окружающих.

Клинический диагноз: Бредовое расстройство, эро-

томанический тип (F22.0 по МКБ-10).

Рекомендации: Продолжение лечения в условиях специализированного психиатрического стационара с интенсивным наблюдением. Медикаментозная терапия антипсихотическими препаратами. Регулярное психиатрическое наблюдение. В связи с отсутствием критики к своему состоянию и сохраняющейся общественной опасностью самостоятельное прекращение лечения не рекомендовано.

Глава 2.

Она всегда любила чертить. Ещё в детстве могла часами сидеть над альбомом, вырисовывая дома, комнаты и целые улицы, существовавшие только в её воображении. Годы упорной учёбы в архитектурном университете, бессонные ночи над проектами, бесконечные исправления и защита диплома наконец остались позади. Теперь *она* была дипломированным архитектором и впервые пришла устраиваться на работу по специальности.

Сидя в просторном холле офиса, *она* нервно сжимала папку с работами. Внутри аккуратно лежали чертежи, эскизы и несколько проектов, которыми *она* особенно гордилась. Несмотря на это, уверенности не было. Сердце стучало слишком быстро, ладони слегка вспотели. Сегодня почему-то ей было особенно тревожно. Как перед самым страшным днем из прошлого... И это чувство не отпускало с самого утра.

Наконец дверь приёмной открылась, и оттуда вышла секретарша. Молодая женщина лет тридцати с идеально уложенными каштановыми волосами и безупречным макияжем. На ней был строгий бежевый костюм, а тонкие очки в золотистой оправе придавали её облику ещё больше деловой строгости. В руках она держала планшет с документами и приветливо улыбалась, словно стараясь успокоить каждого

посетителя.

— Вас ждут, — мягко произнесла она. — Проходите, пожалуйста.

Она быстро поднялась с кресла, крепче прижимая к себе папку. Сделав глубокий вдох, последовала за секретаршей по длинному коридору. Каблуки женщины негромко стучали по светлому полу, а с каждым шагом волнение становилось всё сильнее.

Секретарша остановилась перед массивной деревянной дверью и, слегка приоткрыв её, вежливо произнесла:

— Входите. Директор уже ждёт вас.

Собравшись с духом, она переступила порог кабинета.

Внутри все оказался просторным и удивительно светлым. Огромные панорамные окна занимали почти всю дальнюю стену, открывая вид на город, утопающий в солнечном свете. По одну сторону располагались высокие стеллажи с книгами по архитектуре и дизайну, аккуратными рядами стояли папки с проектами и макеты зданий. На стенах висели фотографии реализованных объектов, дипломы и несколько современных картин в минималистичном стиле.

В центре кабинета стоял массивный стол из темного дерева, на котором царил идеальный порядок. Ноутбук, несколько папок с документами, ежедневник и чашка с уже остывшим кофе — всё лежало на своих местах.

За столом сидел мужчина лет тридцати пяти. Его имя она запомнила еще когда просматривала все статьи в интернете

за пару дней до подачи своего резюме. Дамиан Вишневецкий. Поляк, что переехал сюда еще в 2020 году. и открыл свою архитектурную компанию. Темные волосы были аккуратно уложены, а легкая щетина подчеркивала строгие черты лица. На нем была белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей и темно-синий пиджак, небрежно висевший на спинке кресла.

Даже не поднимая головы от документов, он спокойно произнес:

— Присаживайтесь. Сейчас закончу с бумагами.

Она осторожно вошла, крепче прижимая к груди папку со своими проектами. Дверь за спиной тихо закрылась, а сама *она* нерешительно остановилась возле кресла напротив стола.

Лишь спустя несколько секунд мужчина поднял взгляд.

Перед ним стояла молодая девушка с длинными темно-каштановыми волосами, доходившими почти до лопаток. Волосы мягкими волнами обрамляли лицо, а несколько непослушных прядей выбились из аккуратной укладки от волнения. *Она* специально потратила почти месяц, откладывая деньги с подработок, чтобы купить строгий деловой костюм. Светло-бежевый жакет идеально сидел по фигуре, а юбка и белоснежная блузка придавали образу одновременно элегантность и скромность.

Несмотря на волнение, в ней было что-то притягательное. Серые большие глаза казались необычайно выразительными

и внимательными. В них читалась смесь тревоги, надежды и искреннего желания проявить себя. Длинные ресницы подчеркивали глубину взгляда, а слегка пухлые губы, которые *она* то и дело нервно прикусывала, выдавали её переживания.

Стройная фигура, прямая осанка и плавные движения создавали впечатление уверенной молодой женщины, хотя пальцы, сжимавшие папку с работами, говорили об обратном. Костюм выгодно подчеркивал её аккуратные формы и изящный силуэт, но больше всего внимание привлекала не внешность, а то, как *она* держалась — сдержанно, скромно и немного настороженно, словно боялась сделать что-то не так.

Дамиан несколько секунд внимательно смотрел на неё, после чего уголки его губ едва заметно дрогнули в легкой улыбке.

— Значит, это вы пришли на должность архитектора? — наконец произнес он, откинувшись на спинку кресла. — Что ж... покажите, что у вас есть.

От его слов она словно очнулась, торопливо опустила папку на край стола и расстегнула замок.

Осторожно достав первый проект, девушка протянула его мужчине. Следом ещё один. Затем третий. На листах были планы жилых домов, интерьерные решения, концепции общественных пространств, эскизы фасадов и дипломный проект — современный многофункциональный комплекс, кото-

рый *она* прорабатывала почти полгода.

Когда все работы оказались перед ним, девушка аккуратно села в кресло напротив. Спина оставалась прямой, хотя внутри всё сжималось от волнения. Руки лежали на коленях, пальцы нервно переплелись между собой. *Она* старалась сидеть спокойно, но время от времени всё равно поправляла край пиджака или незаметно теребила рукав блузки.

Дамиан молча взял верхний лист.

В кабинете воцарилась тишина.

Он внимательно рассматривал чертежи, иногда слегка наклоняя голову, перелистывал страницы, останавливался на некоторых схемах дольше, чем на остальных. Время от времени брал красный карандаш и делал какие-то пометки на листе бумаги рядом с собой. На его лице трудно было прочесть хоть какие-то эмоции.

Для неё же каждая секунда казалась вечностью.

Он изучал планировки, смотрел визуализации, схемы коммуникаций, несколько раз возвращался к дипломному проекту. Наконец мужчина отложил последний лист и тяжело вздохнул, слегка потирая переносицу.

У неё всё внутри похолодело.

Он поднял взгляд и несколько секунд молча смотрел на неё, словно подбирая слова.

— Работы неплохие, — наконец произнес он спокойным голосом. — Видно, что у вас хорошая база. Вы умеете работать с пространством, чувствуете пропорции, а концепция

вашего дипломного проекта выглядит достаточно продуманной.

Он перевёл взгляд на один из чертежей и слегка постучал пальцем по листу.

— Но для нашей компании этого, к сожалению, недостаточно. Мы занимаемся не только концептами и красивыми визуализациями. Нам нужны специалисты, которые понимают весь цикл проектирования.

Мужчина перевернул ещё несколько листов.

— Вот здесь, например, хорошая идея с естественным освещением, но вы не учли нагрузку на несущие элементы. А здесь очень красивый фасад, однако его реализация будет крайне дорогостоящей. Заказчики редко готовы платить за подобные решения.

Он вновь посмотрел на неё.

— Не поймите меня неправильно. Потенциал у вас есть. Даже больше, чем у многих выпускников, которых я видел за последние годы. Но между университетскими проектами и реальной архитектурой лежит огромная пропасть. Здесь недостаточно нарисовать красивое здание. Нужно думать о материалах, бюджете, сроках строительства, требованиях пожарной безопасности, вентиляции, нагрузках, инженерных сетях и ещё сотне вещей, которые обычно остаются за кадром в учебных работах.

Он замолчал, а затем, слегка откинувшись в кресле.

— Скажите, у вас вообще был опыт работы? Стажировка,

практика, участие в реальных проектах?

Вопрос заставил её на мгновение опустить взгляд.

Она слегка сжала пальцы, лежавшие на коленях, и, стараясь говорить спокойно, тихо ответила:

— Нет... К сожалению, нет. Во время учёбы я полностью сосредоточилась на университете. Хотела окончить его с хорошими оценками, поэтому не успела пройти стажировку. Только практика от университета, но ничего серьёзного.

Последние слова прозвучали почти виновато.

Девушка подняла глаза, ожидая услышать окончательный отказ. В голове уже мелькали мысли о том, что придётся снова искать вакансии, рассылать резюме и, возможно, ещё долго не найти работу по специальности.

Но Дамиан не спешил отвечать.

Он молча смотрел на неё, слегка постукивая пальцами по столу. Его взгляд задержался на её лице, потом скользнул к папке с работами, а затем снова вернулся к ней.

— Что ж... отсутствие опыта — это не приговор, — произнёс он уже более мягким голосом. — Когда-то все начинают с нуля.

Он ещё раз взглянул на её дипломный проект.

— У вас есть потенциал. Не хватает практики, но это дело времени. Поэтому... я могу предложить вам стажировку.

Её большие серые глаза удивлённо распахнулись.

— Правда?

Мужчина едва заметно улыбнулся.

— Если всё пойдёт хорошо, если вы быстро освоитесь и покажете себя, то я буду готов предложить вам постоянное место в компании.

Она не могла поверить своим ушам.

— Спасибо... Спасибо большое, я...

— Не спешите благодарить, — спокойно перебил он, слегка улыбнувшись. — Есть ещё несколько нюансов, которые я предпочёл бы обсудить лично, в более спокойной обстановке. Некоторые вопросы не совсем относятся к работе, но могут повлиять на наше дальнейшее сотрудничество.

Дамиан говорил спокойно, даже дружелюбно, но в его интонации прозвучало что-то, что заставило её слегка насторожиться.

— Например? — осторожно спросила она.

Мужчина слегка наклонился вперёд.

— Ничего серьёзного. Просто не люблю обсуждать некоторые вещи в офисе. Можно будет встретиться после работы, где-нибудь за ужином или чашкой кофе. Так сказать, познакомиться поближе, поговорить без формальностей.

Он произнёс это с лёгкой улыбкой, словно речь шла о чём-то совершенно обычном.

Она уже хотела ответить, но взгляд невольно опустился на его руку, лежавшую на столе.

На его безымянном пальце блеснуло обручальное кольцо.

Она отвела взгляд и медленно выдохнула, сама не понимая, почему почувствовала лёгкое разочарование. Возмож-

но, просто потому что этот мужчина был первым человеком, который действительно оценил её способности и дал надежду. А возможно...

Она быстро прогнала эту мысль.

Не время.

Она пришла сюда не за этим.

Слегка выпрямившись, снова посмотрела на него, стараясь сохранить спокойствие.

— Я... буду очень рада стажировке, — тихо произнесла девушка. — А остальные вопросы... думаю, их вполне можно обсудить в рабочее время.

На мгновение в кабинете повисла тишина.

Дамиан вновь слегка подался вперед, опираясь локтями на стол и сцепляя пальцы в замок. Его взгляд оставался спокойным и внимательным, без тени высокомерия или раздражения. Солнечный свет из панорамных окон падал на его лицо, подчеркивая легкую щетину и усталость в глазах, которую девушка почему-то заметила только сейчас.

А *она*, сама того не желая, вдруг отвлеклась от разговора. Её взгляд невольно скользнул опять к его руке. Она мысленно одернула себя, вспоминая, как ещё несколько минут назад успела напридумывать себе невесть что. Просто потому, что он предложил встретиться с ней вне стен офиса.

«Да что со мной вообще?..» — мелькнуло у неё в голове.

Он же с самого начала вел себя совершенно спокойно и профессионально. Да, он внимательно смотрел на неё, да,

улыбался, старался поддержать разговор, но, может быть, *она* действительно сделала выводы раньше времени? Может быть, он просто хотел обсудить с ней работу в более спокойной обстановке, где никто не будет отвлекать постоянными звонками и сотрудниками, заходящими в кабинет каждые пять минут.

Его губы тронула легкая усмешка.

— Такое лицо, будто я предложил вам подписать контракт на двадцать лет, — с улыбкой заметил он. — Не переживайте. Я не требую ответа прямо сейчас. Это нормальная практика. Люди должны подумать, взвесить всё, понять, чего они хотят.

Девушка смущенно отвела взгляд, чувствуя, как щеки слегка потеплели.

И в этот момент на столе зазвонил телефон. Мужчина бросил быстрый взгляд на экран и едва заметно вздохнул.

— Прошу прощения.

Взяв со стола небольшую визитницу, он достал одну из карточек и протянул ей.

Она взяла визитку. На плотном белом картоне были указаны его имя, должность, название компании и личный номер телефона.

— Подумайте ещё раз, — спокойно произнес он, уже протягивая руку к телефону. — Не спешите с ответом. Если решите, что готовы — позвоните мне. Даже если это будет через несколько дней.

Телефон продолжал настойчиво вибрировать.

Он виновато улыбнулся.

Ещё секунду он смотрел на неё, словно хотел что-то добавить, но настойчивый звонок телефона заставил его вновь отвлечься. Дамиан перевёл взгляд на экран, едва заметно нахмурился и, поднеся телефон к уху, вновь стал тем самым соборанным руководителем, которого она увидела, войдя в кабинет.

— Да, слушаю... Нет, посмотрите последний вариант фасада. Нет, без моего согласования ничего не отправляйте, — спокойно произнёс он, одновременно открывая на ноутбуке какие-то документы.

Казалось, он уже полностью переключился на работу.

Тихо поднявшись с кресла, девушка осторожно подошла к столу и начала собирать свои работы. Чертежи, визуализации, схемы, планы — всё то, над чем *она* сидела ночами, что переделывала по десятку раз, во что вкладывала всю себя. Аккуратно складывала листы в папку, стараясь не шуметь, словно боялась отвлечь его от разговора. Визитка отправилась в карман пиджака.

Дамиан тем временем продолжал говорить по телефону, делая пометки в документах.

— Да, я видел этот вариант... Нет, колонны нужно сменить... Хорошо, через десять минут подойду.

Она ещё раз посмотрела на него. Он уже не замечал её. Или делал вид, что не замечает. Всё его внимание было со-

средоточено на работе.

Тихо прикрыв за собой дверь, девушка оказалась в знакомом коридоре. Секретарша за стойкой что-то печатала на компьютере и, заметив её, приветливо улыбнулась.

— Всего доброго, — вежливо произнесла женщина.

Она лишь слегка кивнула и направилась к лифту.

Только сейчас, пока кабина медленно спускалась вниз, почувствовала, насколько сильно устала. Напряжение последних часов постепенно отпускало, оставляя после себя странную пустоту. В зеркальной поверхности дверей лифта отражалась молодая девушка в дорогом костюме, с аккуратно уложенными волосами и папкой в руках. Со стороны та выглядела уверенной и собранной. Но внутри всё было совсем иначе.

Оказавшись в холле, она толкнула тяжёлые стеклянные двери и вышла на улицу. Тёплый воздух ударил в лицо, наполненный шумом машин, голосами прохожих и ярким солнечным светом. После стерильной тишины кабинета всё это казалось слишком громким, слишком реальным.

Она остановилась на верхних ступенях бизнес-центра, пытаясь отдышаться. На секунду взгляд зацепился за толпу — в движущемся потоке людей мелькнул чей-то знакомый силуэт. Высокий, тёмные волосы. Сердце пропустило удар. Она резко моргнула, вглядываясь, но фигура оказалась обычным незнакомцем, когда она смогла рассмотреть его в толпе. Просто нервы.

Она тряхнула головой, прогоняя наваждение, и пальцы невольно коснулись кармана, где лежала визитка. Мысль пришла внезапно, от неё по спине пробежал холодок.

Она могла прямо сейчас развернуться, подняться обратно, пройти мимо секретарши и сказать, что согласна на всё. На стажировку. На личную встречу. На любые условия.

Эта мысль пугала её.

Но ещё сильнее пугала другая — мысль о том, что если она откажется, через две недели ей просто нечем будет платить за квартиру.

Деньги.

За квартиру нужно было платить уже через две недели. Небольшие накопления таяли с каждым днём. Родителям *она* и так слишком долго позволяла помогать себе, а просить ещё раз не хотела. Она прекрасно помнила, сколько родителям пришлось потратить денег на врачей, когда они приходили в себя долгие годы. Подработки приносили сущие копейки, а работу по специальности без опыта найти оказалось гораздо сложнее, чем она представляла, сидя на лекциях в университете.

Дневной воздух был прохладным, а в голове всё ещё звучали слова, сказанные несколько минут назад. Засунув руку в боковой карман папки, достала телефон и быстро набрала знакомый номер.

— Эй, как прошло? — раздался в трубке знакомый голос. На фоне стоял привычный шум: жужжание фена, звон

ножниц и приглушённые разговоры клиентов. Похоже, Леона снова сидела в салоне. Судя по звукам, подруга листала журнал, пока парикмахер укладывал ей волосы.

— Он хочет взять меня на стажировку, — произнесла *она*, не скрывая удивления. — И попросил о личной встрече.

На другом конце повисла короткая пауза, после чего слышалось оживлённое:

— Вау! Симпатичный хоть? — с явным интересом спросила Леона, перекрикивая шум фена.

Она невольно улыбнулась, прислонившись к холодной стене здания.

— Леона, ты неисправима.

— А что? Я просто задаю важные вопросы! — рассмеялась подруга. — Ну так что? Высокий? Красивый?

— Он женат. На его руке кольцо, — ее взгляд устремился к парковке и задумчиво провела пальцем по краю телефона.

— Ох, — протянула Леона, а затем послышался шорох — видимо, она поправляла на плечах накидку. — Может, он вдовец и просто носит его в память о супруге. В любом случае соглашайся.

— Леона! — *она* тихо рассмеялась, качая головой. — Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Я говорю о стажировке, а не о том, чтобы ты сбегала с ним на Бали. Ты же сама этого хотела.

Она провела рукой по волосам и тяжело вздохнула.

— Знаю. Просто всё произошло слишком быстро. Я даже

не успела толком его рассмотреть.

— Значит, рассмотришь на встрече, — беззаботно ответила Леона. — И не смей идти туда в своих старых кедах. Если мужчина приглашает на личную встречу, нужно выглядеть сногшибательно.

— Это деловая встреча.

— Конечно-конечно, — протянула Леона с плохо скрываемой усмешкой. — Так когда встреча?

Она подняла взгляд на темнеющее небо и медленно выдохнула. Волнение всё ещё не отпускало.

— Не знаю. Он сказал, чтобы я перезвонила ему и дал свою визитку с номером.

На другом конце трубки Леона поблагодарила парикмахера и, судя по звукам, поднялась с кресла.

— Эй, ты чего такая мрачная? Это же отличные новости.

— Наверное... — *она* замялась, проводя пальцем по краю телефона. — Знаешь, сегодня весь день какое-то странное чувство... будто что-то должно случиться. Просто мне нужно отвлечься.

Она оттолкнулась от стены и направилась к тротуару.

— Слушай, встретимся сегодня вечером? В баре возле моего дома.

— Ты ещё спрашиваешь? — тут же отозвалась Леона. — Я приеду. Только не вздумай сбежать домой раньше.

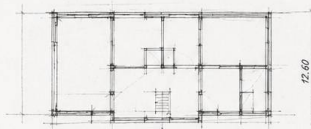
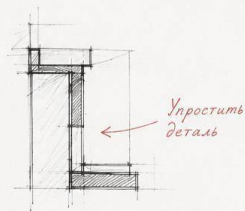
— Не сбегу. Просто хочу выпить чего-нибудь и перестать прокручивать всё это в голове.

— Договорились. И ты мне всё расскажешь. В мельчайших подробностях.

Она невольно улыбнулась.

— Увидимся вечером.

Звонок завершился, а *она* ещё несколько секунд смотрела на погасший экран телефона. Потом убрала его в карман и медленно направилась к остановке, чувствуя, что предстоящий вечер с подругой ей сейчас нужен больше всего.

+ добавить объем
о факсе остекления,
атмосферное
пространство

Глава 3.

Время — штука обманчивая, особенно когда пытаешься его убить. Еще минуту назад солнце плавilo асфальт за окном, *она* стояла у огромного здания, где решилаcь ее судьба о будущей работе, а в следующее мгновение сумерки резко, словно по щелчку выключателя, затопили улицы. День не просто ушел — он стремительно провалился в вечер, утягивая за собой остатки тепла.

Девушка посмотрела на свое отражение в темном оконном стекле. К этой смене декораций *она* подготовилась заранее. На смену дневному поту пришел вечерний бронежилет: облегающие черные джинсы, короткий топ и старая, выдававшая виды толстовка на молнии. Даже не пыталась ее застегнуть — бегунок намертво заело где-то в районе пупка еще пару лет назад, и с тех пор сломанный замок стал неотъемлемой частью ее стиля, открывая вид на полоску кожи.

Бар, который выбрала для встречи, назывался «Омут», и название свое оправдывал на сто процентов. Это было полуподвальное помещение, где всегда пахло смесью дешевого бурбона, пролитого пива и старой древесины. Окна, расположенные на уровне тротуара, пропускали лишь тусклые отсветы уличных фонарей и мелькание ног прохожих.

Интерьер дышал мрачным уютом: столы, покрытые сетью мелких царапин от сотен чужих бокалов, стены из грубого

кирпича и мягкий, почти интимный полумрак. Свет давали только низко свисающие над барной стойкой винтажные лампы Эдисона и неоновая вывеска за спиной бармена, отливающая ядовито-зеленым. Вокруг стоял ровный гул голо-сов, перекрываемый ленивым, хриплым блюзом из колонок.

Тяжелая дубовая дверь бара с едва слышным скрипом приоткрылась, впуская внутрь порцию вечерней прохлады и свет уличных фонарей. На пороге наконец-то появилась Леона.

Она познакомилась с Леоной, когда поступила на первый курс университета. Они часто вспоминали то время и спорили, кто же первый из них тогда подошел. С тех пор утекло много воды, но их дружба оставалась неизменной, как и привычки Леоны.

Вот и сейчас, как и всегда, Леона выглядела так, будто случайно забрела не в тот бар. Полуподвальное, прокуренное помещение с потрёпанными кирпичными стенами и тяжёлым запахом дешёвого алкоголя рядом с ней смотрелось особенно убого.

Природа явно была к ней щедра не по заслугам. Высокая, с осиной талией и пышной грудью, она притягивала взгляды, как магнит. Длинные рыжие волосы тяжелыми локонами падали на плечи, а ярко-зелёные глаза блестели даже в полумраке. Задорный курносый нос и уверенная, грациозная походка делали её похожей на девушку с обложки, которая по ошибке зашла в дешёвый бар.

Стоило ей войти, как половина мужиков у стойки одновременно повернули головы. Леона привычно пропустила их голодные взгляды мимо, будто их и не существовало. Она быстро нашла подругу в полумраке, улыбнулась и махнула рукой, лавируя между тяжёлыми дубовыми столами.

— Прости, что опоздала, — выдохнула она на ходу, грациозно лавируя между массивными столами. — Пришлось заехать на работу и отдать оставшиеся работы.

С этими словами она сбросила пальто на спинку стула и опустилась за стол, мгновенно заполнив собой все пространство вокруг.

У нее никогда не было проблем с поисками работы. Вообще никогда. Куда бы Леона ни приходила, ее внешность действовала на мужчин на высоких стульях — всех этих лощеных директоров и топ-менеджеров — гипнотически. Они занимали ее в первые же пять минут разговора, хотя в глубине души, скорее всего, просто хотели иметь рядом такую кра-

сивую, дорогую статуэтку на полке своего офиса, чтобы хвастаться перед партнерами. Казалось, Леона вообще не знала, что такое предсобеседовательный мандраж.

Девушка, сидевшая напротив Леоны, полную ее противоположностью. При одном только воспоминании о сегодняшнем утре у нее внутри все болезненно сжалось, а к горлу подступил сухой ком. *Она* нервно сглотнула, пытаясь прогнать из мыслей лицо проводившего интервью директора и ту атмосферу, которая преследовала ее с самого утра.

Рука сама собой потянулась к бедру. Пальцы нащупали плотный картон сквозь тугую ткань облегающих черных джинсов. Точно, визитка. *Она* переложила ее туда из папки с эскизами работ сразу после окончания собеседования, словно талисман — или, наоборот, как напоминание о том, что ей все еще нужно чудо, чтобы позвонить и согласиться.

Леона будто бы читала мысли подруги.

— Уже позвонила новому боссу и согласилась встретиться? — с ходу спросила она, даже не успев толком устроиться на стуле.

Не дожидаясь ответа, Леона подняла руку, изящным жестом показывая проходящему мимо официанту, чтобы он принес ей точно такой же коктейль, какой стоял у ее подруги. Но ее собеседница только тяжело вздохнула.

Леона тут же перевела на нее свой пристальный, пронизательный взор зеленых глаз. В ней не было ни капли осуждения, только ее привычная, быющая наотмашь прямота.

— Слушай, даже если он просто хочет переспать с тобой, какая разница? — со смехом произнесла она, откидываясь на спинку стула. — Ведь ты получишь работу! Да и секса у тебя давно не было. Взгляд вон совсем перестал блестеть у тебя.

В этот момент подошел официант. Он аккуратно поставил перед Леоной точно такой же стакан с тающим льдом, но его пальцы на мгновение задержались на стекле, а взгляд — на ее лице, чуть дольше, чем того требовали правила приличия.

Когда парень наконец заставил себя отлипнуть от их столика, голоса девушек вновь зазвучали за столом.

— Леона, вообще-то он женат, — напомнила *она*, в сотый раз прокручивая в голове детали утреннего собеседования. — У него обручальное кольцо на пальце. Такое, знаешь, массивное, которое трудно не заметить.

Но Леону этот факт, похоже, не интересовал от слова «со- всем». Та лишь пренебрежительно махнула ладонью с идеальным маникюром, делая глоток из своего бокала.

— Подумаешь, кольцо, — хмыкнула рыжая. — Мы сейчас о твоём будущем говорим, а не о его моральном облике. Слушай, а сколько они обещают платить, если ты пройдешь стажировку? Какой там оклад?

Она замялась на секунду, а затем выдохнула:

— Много. Так много, что я наконец-то смогу купить собственную квартиру, а не отстегивать каждый месяц безумные деньги за аренду чужого угла.

Зеленые глаза Леоны азартно блеснули в полумраке бара. Она подалась вперед, оперевшись локтями о деревянный стол.

— Вот видишь! — победно воскликнула девушка. — Звони и соглашайся. Ну же, давай, прямо сейчас!

Она сделала один глубокий глоток из своего бокала, чувствуя, как обжигающий холод алкоголя немного снимает напряжение. Тяжело вздохнув, она закатила глаза — спорить с Леоной в таком настроении было абсолютно бесполезно. Это был проигрыш, причем безоговорочный.

— Ладно! Ладно, сдаюсь! — выдохнула она, сдаваясь под напором подруги.

Запустив руку в карман джинсов, она выудила оттуда слегка помявшуюся визитку. Пальцы слегка подрагивали, пока вбивала в строчку набора ровные строгие цифры. Сердце ухнуло куда-то вниз, когда она наконец нажала на зеленую кнопку вызова и поднесла телефон к уху.

Пока в трубке шли долгие, томительные гудки, она бросила быстрый взгляд на Леоу. Рыжая сидела, подперев подбородок ладонью, и победно кивала головой, расплываясь в довольной, кошачьей улыбке. Она явно праздновала свою маленькую тактическую победу.

И тут длинный гудок резко оборвался. В динамике послышался шорох, а затем раздался тот самый, уже знакомый по утреннему собеседованию, уверенный и низкий мужской голос:

— Да, слушаю.

Глава 4.

Замки на тяжелых воротах лечебницы лязгнули за моей спиной вчера ровно в полдень. Этот звук — сухой, металлический, окончательный — я помнил последние десять лет. Он снился мне каждую ночь, повторяясь по сто раз за раз, превращаясь в эхо внутри черепной коробки. Но вчера всё изменилось: дверь впервые открылась наружу, впустив внутрь полосу блеклого дневного света.

Санитар с выбитым передним зубом — моя личная работа трехлетней давности — даже не посмотрел в мою сторону. В его глазах застыло глухое, профессиональное равнодушие человека, который видел слишком много человеческого мусора. Он молча швырнул мне под ноги пластиковый пакет с личными вещами.

Внутри оказались мои старые джинсы, обтрепавшиеся по краям, и куртка, которая за эти годы стала безнадежно мала в плечах — казенная каша и отжимания от пола сделали мое тело угловатым и жестким. На самом дне пакета лежали деньги. Те самые купюры, что оставались в моих карманах в тот день, когда меня скрутили. Они пахли старой бумагой и чужой, прошлой жизнью.

Когда я сделал первый шаг за ворота, земля под ногами показалась пугающе мягкой. Настоящая земля, не бетон санитарного карцера. Я едва не споткнулся — ступни напрочь

отвыкли от неровного рельефа свободы.

Голова трещала так, словно ее зажали в тиски. Нейролептики, которыми меня пичкали годами, высушили мозг, превратив мысли в ленивых, полудохлых мух. Но сейчас, с каждым глотком сырого воздуха, туман постепенно рассеивался. Кровь казалась чище, она наконец-то потекла по венам быстрее, вымывая химическую дурь.

Свобода, вопреки стихам и книжкам, ничем особенным не пахла. Только дешевым табаком от проходящего мимо обходчика да мокрым асфальтом.

Годы въевшегося в кожу запаха хлорки и уколов, от которых язык мгновенно разбухал и прилипал к гортани, закончились на грязном привокзальном перроне.

Всю ночь, пока поезд тащился до города, мои пальцы сводило судорогой. Пальцы помнили. Они судорожно сжимались и разжимались, тщетно пытаясь преодолеть сопротивление невидимых ремней на фиксирующей кушетке. Это была мышечная память раба, которого слишком долго держали на привязи.

Наконец, спустя несколько часов, поезд выплюнул меня на городском вокзале. Остаток пути я шел пешком. Общественный транспорт пугал меня обилием лиц, шумом и теснотой — в лечебнице крики были другими, более предсказуемыми.

Ноги гудели от непривычной ходьбы, кожа под старыми, побелевшими шрамами от кожаных ремней нестерпимо че-

салась. Но мне было плевать на физическую боль. В моей голове, в такт тяжелым шагам, стучало, словно метроном, только одно имя.

Ее имя. *Гидеона*.

Десять лет я провел в коробке три на три метра. Триста шестьдесят пять дней в году, умноженные на десять. И каждый вечер, прижимаясь щекой к жесткой подушке, я закрывал глаза и видел ее лицо. Я до мельчайших подробностей вспоминал, как пахнут ее волосы — чем-то сладким и одновременно острым.

И то... как она орала.

Орала до хрипоты, до срыва связок, когда я привязывал ее к стулу в тот самый, наш последний раз. Я помнил, как билась жилка на ее шее. И этот странный, пустой взгляд, которым она посмотрела на меня перед тем, как всё оборвалось. Взгляд, который по сей день кажется мне неправильным, незавершенным. Чужим.

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Лист № 14

Дело № [REDACTED]-174/20

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Дата вынесения: 12 ноября 2016 года

Суд [REDACTED], рассмотрев материалы уголовного дела в отношении КРАММЕРА ВИКТОРА, 22 марта 2000 года рождения,

УСТАНОВИЛ: В ходе рассмотрения материалов дела было установлено, что Краммер В. в период с 2014 по 2016 год проявлял признаки психического расстройства, выражавшиеся в патологической фиксации на личности гражданки [REDACTED] [REDACTED]. [REDACTED], навязчивом преследовании, неоднократных попытках установить контакт против её воли, а также агрессивном поведении в отношении лиц, которых пациент считал препятствующими их взаимоотношениям. Согласно показаниям свидетелей, Краммер В. систематически высказывал убеждения о взаимности чувств со стороны вышеуказанной гражданки, несмотря на отсутствие объективных подтверждений. Попытки окружающих разубедить его воспринимались как враждебные действия. В ходе расследования были установлены факты нападений на нескольких лиц, сопровождавшиеся причинением телесных повреждений различной степени тяжести. Материалами дела также

подтверждён факт наступления смерти одного лица в результате инцидента, произошедшего ■■■.■■■.2016 года. Обстоятельства случившегося и личность погибшего в настоящей копии не приводятся. Согласно заключению судебно-психиатрической комиссии № 174/20 от 07.11.2016 г., Краммер Виктор страдает хроническим психическим расстройством, сопровождающимся систематизированными бредовыми идеями любовного содержания. В период совершения общественно опасных деяний не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Учитывая отсутствие критики к своему состоянию, а также сохранение потенциальной опасности для окружающих,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Освободить Краммера Виктора от уголовной ответственности в связи с признанием его невменяемым.
2. Применить к Краммеру Виктору принудительные меры медицинского характера.
3. Направить Краммера Виктора в специализированный психиатрический стационар с интенсивным наблюдением.
4. Настоящее постановление подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий судья: ■■■■■■■■■■ ■■

Секретарь судебного заседания: ■■■■■■■■■■ ■■. ■■.

Копию постановления направить главному врачу

Специализированного психиатрического стационара №
■■■■.

КОПИЯ ВЕРНА

Архивный экземпляр

Инв. № ■■■■/20

[ПЕЧАТЬ НЕРАЗБОРЧИВА]

Глава 5.

Прошло несколько часов. Время в «Омуте» за разговорами, смехом и коктейлями пролетело незаметно. Выпитый алкоголь наконец-то подействовал как нужно, мягко окутав сознание и усыпив вечную, изматывающую тревогу. Попрощавшись с Леоной, *она* вызвала такси.

Сейчас *она* сидела на заднем сиденье автомобиля, прислонившись лбом к прохладному боковому стеклу. За окном мелькали размытые огни ночного города — неоновые вывески, фары встречных машин, тянущиеся желтые нити уличных фонарей. В салоне тихо играло какое-то ненавязчивое радио, создавая идеальный фон для ее мыслей.

Впервые за долгое время *она* почувствовала себя... правильно. словно весь этот хаос в ее жизни наконец-то начал выстраиваться в четкую, понятную линию. На душе было на удивление спокойно и легко, и внутри рождалось твердое ощущение, что *она* сделала абсолютно правильный выбор. И всё это — только благодаря Лео. Если бы рыжая не надавила на нее, если бы не заставила вытащить эту злосчастную визитку из кармана джинсов, она бы сейчас ехала домой в совершенно другом настроении, заживо поедая себя изнутри сомнениями и страхами перед неизвестностью.

Она вспомнила их короткий разговор по телефону с будущим боссом. Голос в трубке оказался на удивление вежли-

вым, без утренней дистанции. Ей удалось назначить встречу ровно через месяц, чтобы было время исправить неточности в своих работах. Он согласился сразу.

«Может, Леона права? — подумала *она*, глядя на свое отражение в стекле, на котором из-за тепла ее дыхания оставался легкий след пара. — Какая разница, что у него на уме, если на кону стоит моя независимость? Своя квартира. Жизнь без вечного подсчета копеек от зарплаты до зарплаты».

Тишину в салоне такси нарушил резкий, короткий вибросигнал. Экран телефона, лежащего на коленях, вспыхнул, разрезая темноту ярким белым светом. На дисплее высветилось сообщение от Леоны.

«Детка, завтра опять поедешь на кладбище? Если будет грустно, я могу отменить пару встреч и съездить с тобой».

Она перечитала строчки один раз, затем второй, и в этот момент иллюзия абсолютного счастья и покоя, в которую *она* только что погрузилась, с треском рассыпалась. Алкогольная легкость мгновенно улетучилась, оставив после себя лишь звенящую, ледяную пустоту в груди. Дыхание перехватило. *Она* посмотрела на дату в верхнем углу экрана. Двадцать восьмое. Завтра было двадцать восьмое число.

С ужасом и нарастающим чувством вины *она* осознала страшную вещь: впервые за десять лет на кануне важной даты *она* совершенно забыла об этом дне. Забыла о том, что каждый год, в одно и то же число, при любой погоде и в

любом состоянии *она* покупала четное количество цветов и приезжала на кладбище, чтобы навесить одну и ту же могилу.

Десять лет эта дата была выжжена в ее памяти, как клеймо. *Она* ждала ее с замиранием сердца, готовилась к ней морально за несколько недель, прокручивая в голове несказанные слова. А сегодня... сегодня *она* была так увлечена мыслями о новой работе, разговорами с Леоной, звонком будущему боссу и этой дурацкой эйфорией от возможного богатства, что просто вычеркнула это из головы. Забыла человека, которого клялась помнить вечно.

Экран телефона все еще безжалостно светился, отражаясь в ее расширенных зрачках. С трудом заставив онемевшие пальцы двигаться, она быстро набрала короткий ответ, пока Леоны не начала волноваться:

«Нет, все в порядке. Я поеду сама».

Она заблокировала мобильный и бросила его на сиденье рядом с собой. Алкогольное опьянение окончательно сошло на нет, уступив место тяжелой, свинцовой трезвости.

Такси плавно рассекало ночную темноту, унося ее все дальше от шумного бара и беззаботной подружки. Вглядываясь в пролетающие мимо серые силуэты домов, *она* невольно проваливалась памятью на десять лет назад.

Вспоминались беззвучные слезы женщины на кухне по ночам, когда та думала, что ее никто не слышит. Вспоминался мужчина, который за несколько недель постарел на добрый десяток лет, потеряв свой привычный уверенный голос

и превратившись в бледную тень самого себя. Из дома навсегда исчез смех. Никто не знал, как жить дальше. Казалось, что трагедия выпила из них всю радость и жизненные силы, оставив лишь оболочки людей, вынужденных изо дня в день делать вид, что они справляются.

Машина плавно притормозила у обочины. Шум мотора стих, сменившись едва слышным тиканьем поворотника.

— Девушка, приехали. Мы на месте, — негромко произнес таксист, бросив на нее короткий взгляд через зеркало заднего вида.

Его голос выдернул ее из вязкого омута воспоминаний. *Она*, на секунду дезориентированная, быстро взяла себя в руки. Чуть кивнув водителю, *она* подобрала с сиденья телефон, привычным движением скользнула им в задний карман джинсов и толкнула тяжелую дверцу наружу, в прохладу ночного воздуха.

Машина тут же уехала, оставив ее наедине с пустым, молчаливым двором. *Она* накинула капюшон толстовки на голову и быстрыми шагами направилась к своему подъезду.

Внутри было темно и сыро. Лифт в этой старой шестиэтажке отродясь не предусматривался, поэтому *она* привычно двинулась пешком вверх по бетонным ступеням. Четвертый этаж. Каждый шаг давался с трудом, словно груз прожитых лет и внезапно нахлынувшей вины физически давил на плечи.

Оказавшись перед своей дверью, *она* на автомате достала

из кармана ключи. Вставила один из них в замочную скважину и сделала привычное движение рукой, но ключ странным образом легко прокрутился в цилиндре, не встретив привычного сопротивления механизма. Будто замок уже был открыт.

На мгновение в голове мелькнула мысль, что *она* сама могла утром в спешке забыть запереть дверь, уходя на то несчастное собеседование. Слишком много всего навалилось за один день. Сегодня она слишком много видела и чувствовала того, чего нет на самом деле, поэтому не предав этому особого значения и списав всё на собственную рассеянность, она потянула ручку на себя.

Дверь тихо поддалась, и *она* вошла внутрь.

Квартира встретила ее привычной тишиной. Это было довольно просторное, хоть и скромно обставленное жилье, состоявшее из одной большой комнаты, зонированной на спальню и рабочее пространство, и отдельной кухни. На кухне *она* проводила меньше всего времени — плита здесь включалась от силы пару раз в неделю, а холодильник чаще всего пустовал, если не считать пары йогуртов, засохшего сыра и бутылки вина на экстренный случай. Жизнь в режиме вечного дедлайна и поисков работы приучила ее перекусывать на ходу или заказывать готовую еду. Кухня служила скорее транзитной зоной, где можно было наскоро налить стакан воды. Зато спальня была ее настоящим убежищем и одновременно полем боя. Стоило сделать шаг внутрь, как под

ногами зашуршала бумага. Повсюду — на полу, на широком подоконнике, на заваленном карандашами рабочем столе — были хаотично разбросаны плотные листы ватмана, кальки и чертежи. Воздух здесь был насквозь пропитан едва уловимым запахом графита, свежей туши и старой бумаги.

Сил на то, чтобы раздеться или хотя бы дойти до ванной, уже не осталось. *Она* так и легла в одежде — прямо поверх покрывала, не расправляя постель. Просто подтянула колени к груди, завернулась поплотнее в свою старую толстовку и повернулась на бок, лицом к зашторенному окну.

За окном изредка шуршали шинами редкие ночные машины, и этот звук постепенно убаюкивал, стирая измотанные за день мысли. Разговор с Леоной, мысли о будущей встрече с Дамианом, и странное тревожное ощущение, которое ходило за ней с самого утра — все это начало мешаться в один вязкий, тягучий коктейль. *Она* закрыла глаза, чувствуя, как сознание медленно проваливается в тяжелый, бездонный сон. Завтра ей понадобятся все силы, которые у нее остались. Но это будет завтра. А сейчас комната окончательно погрузилась в тишину, оставляя ее наедине с первыми предвестниками грядущих кошмаров.

Она ненавидит красные розы.

Надо купить белые.

Глава 6.

Я нашел твой новый адрес еще вчера, в первые часы после приезда. Город изменился, оброс новыми безликими вывесками и стеклянными коробками торговых центров, но его гнилое нутро осталось прежним. Найти человека здесь — вопрос пяти минут, если у тебя нет предрассудков и лишней жалости.

Мне нужен был инструмент. На привокзальной площади, среди утренней суеты и запаха пережаренного фритюра, я выцепил глазами подходящий объект. Какой-то местный алкаш — опухший, в засаленной куртке, — шумно спорил с продавцом в табачном киоске. Из кармана его джинсов наполовину торчал дешевый, потрескавшийся смартфон. Настоящий подарок для того, у кого пальцы всё еще помнят воровские повадки из прошлой, добольничной жизни.

Я прошел мимо него почти вплотную. Легкий толчок плечом, сиплый мат мне вдогонку — и трубка уже лежала в моем кармане. Секундное дело. Наркоманы в моем отделении за сигарету учили вещам и посложнее. Я уже так делал. Воровал телефоны в отделении больницы, чтобы позвонить тебе, но ты никогда не отвечала.

Забившись в полутемный тупик между глухими стенами двух кирпичных гаражей, я присел на корточки. Экран мигал, батарея была на исходе, но мне хватило. Взломать ба-

зу данных через один полулегальный слитый бот в мессенджере оказалось смехотворно просто. Мир за десять лет стал до тошноты прозрачным; люди сами вываливали в сеть всю свою жизнь, номера телефонов, прописки и привязанные карты. Я вбил твои данные — те, старые, которые выжжены на обратной стороне моих век. Хотя, самое забавное было в том, что мне хватило лишь твоей фамилии.

Система выдала ответ через три секунды.

Ты переехала всего на три квартала дальше от своего старого дома. Пятнадцать минут неспешной ходьбы.

Я сидел на грязной земле, глядя на светящийся экран, и хрипло, беззвучно смеялся, пока кашель не перехватил горло. Почему так близко, Гидеона? Ты боялась уезжать далеко от места, где всё случилось? Боялась нарушить черту привычного мира, словно за пределами этих нескольких улиц тебя ждала пустота? Или... ты ждала? Ждала, что этот день настанет, и оставила мне хлебные крошки, чтобы я не плутал по мегаполису?

Впрочем, мне плевать. Самовнушение это или глупость — не имеет значения. Факт оставался фактом: ты здесь, почти на расстоянии вытянутой руки. Наша незавершенная пьеса требовала финала, и сцена уже была готова. Я поднялся, швырнул чужой телефон в разбитое окно заброшенного подвала и поправил тесную в плечах куртку.

Каждый мой шаг по серому асфальту приближал меня к тебе, но на самом деле я не видел города. Перед моими гла-

зами, прямо в утреннем мареве, стоял твой образ.

Ты. Моя идеальная, фарфоровая девочка. Блондинка с огромными, неестественно серыми глазами, в которых всегда застывал этот чертов испуг, когда я оказывался слишком близко. В школе тебя называли ангелом. Но ангелы не знают, что такое настоящая преданность. Они глупы и доверчивы.

Я вспомнил тот день, когда внутри меня впервые по-настоящему закипела темная, тяжелая кровь. Выпускной класс. Ты вдруг решила, что стала взрослой. Решила, что имеешь право смотреть на кого-то еще, кроме меня. Тот парень из параллельного класса... как же его звали? Калёб? Эрик? Неважно. Червь, чье имя стерлось из памяти сразу после того, как его смазливое лицо превратилось в кровавое месиво.

Ты улыбалась ему на перемене. Ты позволила ему дотронуться до своего плеча. Ты думала, что можешь просто так взять и уйти к парню из параллели, словно я — пустое место, декорация в твоей жизни. Я помню вкус его крови на своих костяшках. Я помню хруст его носовой перегородки под моим ботинком на заднем дворе школы. Он попал в больницу с тяжелым сотрясением и переломами, из-за которых его собирали по кускам. Помню, как ты рыдала, глядя на меня с ужасом. Ты думала, это была вспышка безумия? Жестокость?

Нет, маленькая моя погибель. Это была математика. Точный расчет.

Это был всего лишь один из многих пунктов, по которым я шаг за шагом строил для тебя дорожку из желтого кирпича. Дорожку, ведущую напрямик ко мне. К моей любви.

Я убирал с твоего пути всё лишнее. Всех людей, все отвлекающие факторы, всех этих фальшивых друзей и никчемных ухажеров. Я изолировал тебя от мира, очищал пространство вокруг тебя, чтобы в твоей вселенной остался только один ориентир. Я. Ты должна была понять, что безопасность, жизнь и сама любовь существуют только в моих руках. И пускай эта дорожка была вымощена не золотом, а чужими переломанными костями, слезами и моим собственным терпением — она вела к цели.

Вот и он. Твой новый загон.

Обычный шестиэтажный старый дом, облицованный серой, потрескавшейся от времени плиткой. Вокруг — чахлые кусты сирени и разбитый асфальт во дворе, на котором застыли грязные лужи. Пахло сыростью и старыми подвалами. Я запрокинул голову, считая окна. Четвертый этаж. Окна твоей квартиры выходили на заросший двор.

Свет внутри не горел. Темные, безжизненные стекла, за которыми ничего невозможно было разглядеть.

Ушла? Но куда? На работу? Нет, слишком поздно. К подруге? К какому-то новому... смертнику, решившему занять мое место? Внутри меня на секунду поднялась знакомая горячая волна, но я быстро загнал ее обратно. Спокойно. Город велик, но твое пространство сузилось до этой коробки на

четвертом этаже. Мы поговорим об этом, когда ты придешь домой. Я умею ждать. Десять лет научили меня терпению.

Мои старые джинсы тихо шуршали, а ноги, уставшие от долгой ходьбы, на удивление легко несли меня вверх. С каждым пролетом сердце стучало всё глубже, тяжелее, отдаваясь в висках. Двадцать шагов до третьего этажа. Еще двадцать — до четвертого.

Я остановился на лестничной площадке перед твоей дверью. Обычная, обшитая дешевым дерматином дверь, на которой криво висели две металлические цифры. Из-под щели не доносилось ни звука. Ни шагов, ни шума работающего телевизора. Только тишина.

Запустив руку глубоко в карман старой куртки, я нащупал то, что смастерил еще в поезде из стальной платины, выдранной из сиденья, и куска жесткой проволоки. Моя самодельная отмычка. Руки помнили эту деликатную, ювелирную работу. В лечебнице замок на тумбочке с лекарствами или на двери сестринской был главным вызовом, игрой на выживание. Здесь же, на твоей хлипкой двери, стоял простейший замок. Смех, а не преграда.

Я вставил инструмент в замочную скважину. Металл тихо скрежетнул, нащупывая пазы. Я замер, прислушиваясь к внутренностям механизма через пальцы. Мягкий нажим, легкое шевеление проволоки... Секунда, другая, третья.

Щелк.

Звук отдал приятной вибрацией в запястье. Я плавно по-

вернул дверную ручку и толкнул дверь внутрь. Она открылась без единого скрипа, словно сама приглашала меня войти.

Я скользнул в полумрак прихожей и аккуратно прикрыл дверь за спиной, отсекая звуки подъезда. Внутри царил густой, душный полумрак. Напольная вешалка у самой двери едва угадывалась в темноте. На ней одиноко висело твое пальто — длинное, шерстяное, темно-серого цвета. Я сделал шаг вперед и протянул руку. Мои пальцы вцепились в мягкую ткань. Я снял пальто с крючка, уткнулся в него лицом и сделал глубокий, жадный вдох, закрыв глаза. Время остановилось. Я уже успел забыть этот запах. От ткани пахло сладкой, кондитерской ванилью и... горькими, едкими остатками табачного дыма.

Никотин? Ты начала курить, Гидеона? Моя чистая, правильная девочка, которая в школе морщила нос от одного вида сигарет, теперь затягивается по ночам, глядя в окно? Из-за кого? Из-за меня? Из-за страха, который я оставил в тебе? Эта мысль обожгла меня изнутри извращенным удовольствием. Мой след в твоей жизни оказался глубже, чем я думал.

Я аккуратно повесил пальто обратно, разгладив ладонью складки, и двинулся вглубь квартиры. Миновав темный проем большой комнаты, где в темноте смутно угадывались силуэты дивана и заставленных книгами полок. Я остановился у приоткрытой двери в твою спальню. Из узкой щели веяло

прохладой и тем самым, едва уловимым ароматом ванили. Я замер на пороге, глядя в темноту твоей личной вселенной, и улыбнулся. Я не стал включать свет. Щелчок клавиши разрезал бы эту благословенную темноту, разрушил бы интимность момента, а мне не нужны были грубые световые эффекты.

Мои глаза быстро адаптировались к темноте спальни. Слабый свет от уличного фонаря пробивался сквозь тонкую занавеску, ложась на пол длинными бледными полосами. Я опустил взгляд. По всей комнате — на комод, на полу у плинтусов и прямо на заправленной кровати — горами валялись плотные большие листы. Мой взгляд скользнул по строгим черным линиям, сеткам, идеальным окружностям и мелким шрифтам экспликаций. Чертежи зданий. Проекты каких-то многоэтажек, разрезы фасадов...

Значит, ты стала архитектором?

Я невольно улыбнулся, и эта улыбка отозвалась непривычным теплом в зажатых скулах. В памяти тут же всплыл один жаркий летний день из нашего детства. Мы сидели на старой карусели, и ты, глупая, восторженная девочка с рассыпанными по плечам светлыми волосами, захлеб рассказывала мне, что когда вырастешь, обязательно станешь врачом. Ты хотела спасать людей. Лечить их разбитые коленки и больные сердца. Но, видимо, ты передумала. Изменила своей детской мечте. Интересно, почему? Может, потому что поняла: некоторые вещи в этой жизни уже невозможно исцелить?

Или потому, что я наглядно показал тебе, как легко ломается человеческое тело, и ты предпочла иметь дело с холодным, предсказуемым бетоном и железом? Строить стены, за которыми можно спрятаться. От меня.

Я подошел к кровати. Аккуратно, стараясь не помять, взял несколько больших ватманов, занимавших половину матраса, и перенес их на рабочий стол. А затем я просто лег на твою постель. Прямо в куртке и старых джинсах. Подо мной прогнулась мягкая сетка. Я вытянулся во весь рост и уставился в темный потолок. На секунду пальцы на руках снова свело легкой судорогой, но она тут же отпустила. Ремней больше не было. Не было санитаров, не было запертых дверей и шагов дежурного врача в коридоре. Впервые за десять долгих лет я почувствовал, что я дома. На своем законном месте.

Осталось совсем немного. Только дожждаться, когда в замке прихожей повернется твой ключ.

Я повернул голову на подушке, вглядываясь сквозь открытую дверь спальни в темную пустоту коридора. Напряг слух, ловя каждый шорох за пределами этой квартиры. Я ждал. Ждал того самого звука, который должен был перезапустить остановившееся десять лет назад время. И, к моему безумному, затапливающему грудь счастьем, мне не пришлось ждать долго. Там, на лестничной площадке, раздались шаги. Сначала глухие, едва различимые на нижнем пролете, но с каждой секундой они становились отчетливее, бли-

же. Твоя легкая, чуть неровная походка. Улыбка сама собой растянула мои губы в темноте. Видишь, Гидеона? Даже сама судьба на нашей стороне. Она ведет тебя обратно, в мои руки, так быстро, словно боится, что я успею заскучать.

В замке прихожей звякнули ключи. Металл заскрежетал о металл.

Внутри меня всё задрожало от дикого, первобытного импульса — сорваться с кровати, распахнуть дверь, сжать тебя в объятиях так, чтобы хрустнули ребра. Но я заставил себя замереть. Нет. Я не хотел пугать тебя сразу, с порога. Глупый испуг испортил бы всё предвкушение. Я слишком долго голодал. Я заслужил право просто посмотреть на тебя сначала. Разглядеть, как ты изменилась, впитать твой силуэт.

Щелк. Замок провернулся. Дверь прихожей начала медленно открываться.

Я действовал бесшумно, на инстинктах, выработанных годами прятков от санитаров в ночных коридорах лечебницы. В одно мгновение я скатился с кровати на пол и скользнул под нее. Пыльный паркет обжег ладони холодом. Пространства здесь было немного, но мне было не привыкать к тесноте. Я лег на живот, подтянул колени и осторожно пододвинул голову к самому краю покрывала, замирая у узкой щели между тканью и полом. Обзор был идеальным. Из этого укрытия мне был виден весь кусок коридора и порог твоей спальни.

В прихожей зажегся мягкий желтый свет, и на полу коридора растянулась длинная, тонкая тень. Твоя тень. Я затаил

дыхание, превращаясь в слух и зрение. Ну же, сделай шаг вперед. Дай мне увидеть тебя.

Дверь прихожей мягко захлопнулась, отсекая холодный воздух подъезда. Из своего укрытия я слышал каждый твой шорох, каждое мимолетное движение, словно мы были связаны невидимой нитью.

Шорох ткани. Это ты сняла куртку. Затем донесся глухой, характерный звук падающей обуви — ты сбросила кроссовки прямо у порога, даже не расшнуровывая их до конца. Ты устала. Я чувствовал твою тяжесть, твоё изнурение кожей. По звуку шагов я понял, что ты даже не заглянула на кухню, и прошла мимо ванной. Ты направилась сразу сюда. В свою комнату. Ко мне. Твои шаги приближались по коридору, становясь громче, отчетливее, и сердце в моей груди забилось в каком-то рваном, торжествующем ритме. И вот ты замерла у самого проема. Твой силуэт соткался из полумрака прямо перед моей щелью под кроватью. Я жадно впился глазами в твои ноги, а затем перевел взгляд выше, насколько позволял угол обзора. Мягкий свет из прихожей очертил твои плечи и лицо.

Внутри меня что-то болезненно перекрутилось.

Твои волосы. Длинные, тяжелые пряди падали на плечи глубоким, темным каштановым цветом.

Каштан? Зачем, Гидеона? Зачем ты перекрасилась? Внутри меня поднялась глухая, детская обида, смешанная с яростью. Ведь тебе так шел блонд. Твои светлые волосы были

твоим нимбом. Ты покрасила мою память, попыталась смыть с себя образ той девочки, которую я забрал себе. Ты думала, что если изменишь цвет, я тебя не узнаю? Или пыталась спрятаться от собственного отражения в зеркале? Но я подавил этот мимолетный гнев. Твои огромные серые глаза остались прежними — я видел их отблеск, когда ты устало потерла переносицу.

Ты была слишком вымотана, чтобы замечать мелочи. Ты даже не стала переодеваться в домашнее. Сделав еще два шага, ты вплотную подошла к постели. Я услышал, как зашуршало одеяло, и прямо над моей головой с тяжелым, глухим вздохом прогнулись пружины матраса. Ты упала на кровать поверх покрывала. Прямо надо мной. Нас разделяли лишь несколько сантиметров дерева и ткани. Я слышал твое прерывистое, тяжелое дыхание. Чувствовал, как тепло твоего тела просачивается сквозь матрас вниз, в мое пыльное убежище.

Ты легла точно туда, где минуту назад лежал я, впитывая остатки моего тепла, даже не подозревая об этом. Мы снова были вместе. В одной комнате. Почти в одной постели.

Я закрыл глаза и беззвучно улыбнулся в темноту под кроватьными досками. Игра в прятки подходила к концу.

Она ненавидит красные розы.

Нет.

Красные.

Она любит красные.

Почему я не помню?

Глава 7.

Тяжелое забытье, в которое *она* провалилась, не принесло долгожданного покоя. Сон накатил удушливой, серой волной, и почти сразу ее тело на кровати сковало напряжение. *Она* заворочалась, сминая под собой покрывало, брови судорожно сдвинулись к переносице, а пальцы рук, спрятанные в рукавах толстовки, крепко сжались в кулаки.

Во сне *она* снова была там.

Она стояла на крыльце старого дома, перед самой входной дверью. Солнце висело низко над горизонтом, заливая все вокруг неестественным, тревожным багровым светом. На плече висел тяжелый рюкзак — *она*, как обычно, только что вернулась после занятий. Все было до боли знакомым: облупившаяся краска на перилах, скрип половиц под кедами, запах цветущей вишни у забора. Обычный, рутинный день, который должен был закончиться домашним ужином и глупыми разговорами. *Она* протянула руку, и ее пальцы коснулись прохладной металлической ручки. И именно в этот момент, еще до того, как замок щелкнул, внутри нее родилось это чувство. Тревога, которая внезапно поднялась откуда-то из глубины живота и мгновенно сковала легкие, не давая сделать вдох. Это не было легким волнением — это был первобытный, чистый ужас, кричавший о том, что за этой дверью ее ждет то, после чего мир уже никогда не ста-

нет прежним.

На кровати она резко дернулась, но сон держал ее слишком крепко, не позволяя открыть глаза и сбежать от этого кошмара. Ее рука во сне медленно нажала на ручку. Дверь медленно отворилась, и свет с улицы нехотя перешагнул через порог, выхватывая из темноты прихожей жуткую, застывшую во времени картину.

Прямо посреди коридора стоял массивный деревянный стул, а к нему вела дорожка из свежей крови. *Она* тянулась из глубин дома и обрывалась прямо у ножек стула. Но взгляд девушки намертво приковало чуть правее, прямо на полу, прислонившись спиной к окровавленной стене, сидел парень. Его голова была безжизненно опущена, а пряди темных волос падали на лицо, полностью скрывая его черты. Он не двигался, но от всей его позы веяло таким оглушительным горем, что у нее во сне перехватило горло. Вдруг фигура у стены начала медленно, неестественно поднимать голову. Темные пряди качнулись, готовые открыть лицо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.